

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

А. М. Толстенко

СУЩНОСТЬ РЕНЕССАНСНОГО УТОПИЗМА И ГУМАНИЗМА

Цель данной статьи — показать, что в ренессансной антропологии идеальное не противопоставлялось телесному, а утопизм и гуманизм были соизмеримы с миром; имели место обожествление мира и героизация человека. В послеренессансную эпоху утопия и гуманизм, напротив, выступили не как аспекты меры самой реальности, а как способы ее деконструкции. Обожествление мира и героизация человека были заменены культом разума и добродетели.

В эпоху Ренессанса на первый план выходит «эстетика» собственной самости в противовес религиозно-нравственной интенции Средних веков. Человек, а не Бог выступает центральной и созидательно действующей силой мироздания. Именно ренессансный гуманизм увидел в человеке «бога», который раскрывает все движущие причины во вселенной и способен преобразовывать все сущее в гармонию высшего порядка. Человеческое бытие оказывается непрерывным творением в ориентации на высшие смыслы, образы и символы. Ренессансный гуманизм был неотделим от магического постижения мира. Среди фундаментальных человеческих ценностей выделялись, с одной стороны, практически расчетливая предприимчивость, инженерно-техническая изобретательность, способность владеть правилами политического искусства, с другой стороны, предвосхищающее мышление, способное заранее проектировать свою познавательную программу. Все это приводило к изменению прежней структуры человеческого сознания, происходила подмена природного мира сконструированной и перспективно-художественной реальностью.

Такая реальность определенным образом культивируется и возделывается, а знание о ней предстает в виде правил, проектирующих и обеспечивающих предельную сферу поиска в науках о природе и человеке. По словам М. Хайдеггера, «природный процесс попадает в поле зрения как таковой только в горизонте общей схемы. Этот проект природы получает свое обеспечение за счет того, что физическое исследование заранее привязано к нему на каждом из своих исследовательских шагов. Эта привязка, гарантия строгости научного исследования имеет свои сообразные проекту черты. Строгость математического естествознания — это точность. Все процессы, чтобы их вообще можно было представить в качестве природных процессов, должны быть заранее определены здесь в пространственно-временных величинах движения... путем изменения с помощью числа и вычисления»¹.

С эпохи Возрождения начинается процесс превращения науки в исследование, при этом эксперимент становится возможен там и только там, где познание природы уже превратилось в исследование. Тем не менее в этот период мир воспринимается прежде всего изобразительно, мистически и магически. В условиях отсутствия прочной социальной основы, т. е. гражданственности и законности, становясь зодчим, скульптором и живописцем, человек был призван разоблачать все тайны природы и открывать для всего сущего «спасительные лекарства»². Исследование природы здесь еще не стало свободным исследовательским предприятием, но уже имеет вид «изобретения», «художественного изображения» и «строительства», обнаруживающих скрытый смысл природных явлений, и это свидетельствовало о магическом предназначении человека как центра и «скрепы» мира. С помощью изобретений и наук человек получил доступ к божественной сущности в здешнем и нынешнем мире. По словам Л. М. Баткина, ренессансный идеал человека и совершенного общества осмысливался как уже однажды осуществившийся в период античности. Поэтому обращение мыслителей Возрождения к античности было далеко не случайным. Античность для гуманистов была «чем-то совершенно вещественным и живым»; она «заполняла зрение и мысли, они сами себя чувствовали

¹ Хайдеггер М. *Время картины мира* // Хайдеггер М. *Время и бытие*. М., 1993. С. 43–44.

² Подробнее об этом см.: Сергеев К. А. *Ренессансные основания антропоцентризма*. СПб., 1993. С. 192 и сл.

античными... живущими в героическом и возвышенном универсуме»³.

В ренессансной антропософии идеальное не противопоставлялось телесному, а телесное не мыслилось вне духовного. В качестве истинного принималось все то, в чем природа и искусство сходились. Своеобразие ренессансной утопии состояло в том, что осмысление действительности осуществлялось прежде всего в художественной форме. Поэтому сущность ренессансной утопии не сводима к наличию несомненного проекта «отыскания истины». Совершенный город, или образец, не находится вне мира, на небе или в стране Утопии, но присутствует в некоем конкретном городе, ставшем в пример. Например, в проекте «идеального города» Альберти (1404–1472) человек соучаствует с каким угодно окружением вне зависимости от его притяжения или отрицания. Строительство и обживание неотделимы друг от друга, ибо пребывать в определенном месте и жить — значит строить и реально обживать природное и социальное пространство. Возделывание как культивирование земли и сооружение зданий, строительство кораблей, конструирование и изобретение механизмов и т. д. — все это Альберти отождествляет с подлинным обживанием или возделыванием. Альберти создавал проект «идеального города», но его зодческая наука преследовала цель не преобразования наличного общества по образу идеального города, а обживания природного и социального окружения. По словам Л. М. Баткина, в эпоху Ренессанса «духовные образцы, примеры, как взаимно и равно необходимые, здесь не лишены еще скрытого смысла, согласуются для приближения к изначально-единственной Истине, используются как рядоположенные, но не как окончательные»⁴.

Метафизика и медицина, исцеление греховного человеческого существа — такова была конечная цель гуманистов эпохи Ренессанса. В их лице получает обоснование библейское учение о человеке как цели и завершении мироздания, как микрокосме, в котором отражается весь природный макрокосм. В связи с этим ренессансные утопизм, гуманизм и антропософия ориентированы на медицину и магию, которые в качестве искусств были призваны помочь разуму

³ Баткин Л. М. Ренессанс и утопия // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 229.

⁴ Баткин Л. М. Итальянский гуманистический диалог XV века // Там же. С. 178.

преодолеть болезни и пороки, присущие человеческой природе. Одновременно медицина и магия составляли тот дискурс, в котором мыслители эпохи Возрождения усматривали превосходство человека над всем реально существующим. М. Бахтин отмечает, что то была единственная эпоха, пытавшаяся ориентировать всю картину мира, все мировоззрение именно на медицину. В эту эпоху пытались осуществить требование Гиппократата, переносили мудрость в медицину и медицину в мудрость. Ведь врач-философ равен богу⁵. К тому же в университетах философию читали «доктора теоретической медицины», которых называли также «философами».

Не является исключением из этого правила известный утопист и гуманист Т. Кампанелла. Свой труд по медицине он рассматривает как завершение своей философии. Медицина учит тому искусству, которое Кампанелла называет «некой практической магией» (*quaedam magica praxi*). К магико-астрологическим рассуждениям обращена и его наука о природе, согласно которой все природные вещи существуют именно в силу присущего им чувства симпатии и антипатии. Его «Город Солнца» также наполнен разного рода магическими символами. Так, по словам Кампанеллы, «Солярии доказывают, что блуждающие светила в определенных частях мира связываются симпатией с явлениями высшими и потому задерживаются там дольше, почему и говорится, что они поднимаются в абсиде»⁶. Небо и земля, природа и дух, бог и человек — все стремится друг к другу в любовном влечении. Такой настрой ума приводит к восстановлению античного смысла мира как космоса. Однако обитатели «города Солнца» сочетают в себе трезвую расчетливость с оккультизмом, поскольку то и другое взаимно подкрепляет веру в «звездное» предназначение человека. «Они восхваляют Птолемея и восхищаются Коперником... И они твердо верят в истинность пророчества Иисуса Христа о знамениях в Солнце, Луне и звездах»⁷. Солярий осознает себя в статусе центральной и связующей инстанции всевозможных реалий обживаемого им космоса. «Посему ожидают они обновления мира, а может, и конца. Они признают, что чрезвычайно трудно решить, создан ли мир из ничего, из развалин

⁵ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 298–299.

⁶ Кампанелла Т. Город Солнца // Утопический роман XVI–XVII веков. М., 1971. С. 183.

⁷ Там же. С. 181.

ли иных миров, или из хаоса, но считают не только вероятным, а напротив, даже несомненным, что он создан, а не существовал от века»⁸. Будучи опосредствующим звеном между интеллигибельным и телесным порядком вещей, солярий может во всем сущем заново раскрывать божественную и вечную благодать бытия, извлекать из глубин природы ее магическую мощь с тем, чтобы она служила и соответствовала его расчетам.

Здесь на первый план выдвигается образно-конструктивный принцип. Познание соотносится с изобразительной техникой, тем самым ему становится доступным все то, что может стать конструкцией и картиной. Образы и символы призваны устанавливать всюду универсальные пространственные очертания, одинаково присущие всем вещам. Создается картина мира, в которой метафизика призвана выступать верховной судящей инстанцией. «Верховный правитель у них — священник, именующийся на их языке “Солнце”, на нашем же языке мы назвали бы его Метафизиком. Он является главою всех и в светском, и в духовном, и по всем вопросам и спорам он выносит окончательное решение. При нем состоят три сопровителя — Пон, Син, Мор, или по-нашему Мощь (Власть), Мудрость и Любовь»⁹.

Обосновывая легкость усвоения наук при помощи картин, Кампанелла сближает архитектуру, скульптуру и живопись «солнечного» города с науками, посредством которых человеку представляется уникальный шанс преодолеть социальную бесформенность и перейти к упорядочению и обживанию мира¹⁰. «По велению Мудрости во всем городе стены, внутренние и внешние, нижние и верхние, расписаны превосходнейшею живописью, в удивительно стройной последовательности отображающей все науки. На внешних стенах храма и на завесах, ниспадающих, когда священник произносит слово, дабы не терялся его голос, минуя слушателей, изображены все звезды, с обозначением при каждой из них в трех стихах ее сил и движений»¹¹. «Город Солнца» отмечен печатью магического ореола образа человека, ум которого соизмеряет себя с существующими реалиями и непосредственным окружением.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 146.

¹⁰ *Ольшки Л.* История научной литературы на новых языках: В 3 т. Т. 2. М.; Л., 1934. С. 11.

¹¹ *Кампанелла Т.* Город Солнца. С. 147.

В этом проекте социальной гармонии солярии Кампанеллы все еще соучаствуют с каким угодно окружением. Изображения математических фигур сближаются Кампанеллой с изображением всей земли, картинами законов и нравов ее обитателей. В «Городе Солнца» собраны изображения и образы разного рода минералов, источников, лекарственных препаратов, метеорологических явлений, сопровождающиеся пояснениями о сходстве явлений небесных с земными и их связи с человеческим телом и применением в медицине. Магическая цель сходств и подобий, симпатий и аналогий между вещами призвана обратить взор человека на подлинную сущность растительного и животного царства, всех вещей в мироздании и самого мироздания в целом. В связи с этим Кампанелла говорит: «Я был совершенно поражен, увидев рыбу-епископа, рыбу-цепь, панцирь, гвоздь, звезду, мужской член, в точности соответствующих по своему виду предметам, существующим у нас»¹². Истина мира заключается в том, что человек может, исходя из самого себя, означивать мир согласно своей сущности, изменять это сущее как таковое. Ренессансный гуманизм провозглашает человека существом, которое само способно осуществлять в высшей степени совершенную форму своего бытия и тем самым одновременно раскрывать все тайны природных вещей, наделяя их «собственными именами», доискиваться и прокладывая путь к заранее определяемой истине. Освобождая себя от обязанности внимать библейскому Откровению и состоять в церковной общине, человек сам избирает для себя то, что его обязывает и что ему необходимо.

Человеческий разум, подобно божественному, превращается в способность к «первоначалам действенным, требующим обоснования своего преимущественного положения, при наличии чего должно получиться то, на что рассчитывают и с чем считаются. Так понятый разум есть полагающееся на себя устанавливание условий, обуславливающих бытие всего природно-сущего, в качестве которого это устанавливание условий само есть и удостоверяет себя как таковое среди мира сущего»¹³.

В послеренессансную эпоху утопия стала символом распада художественно-магически-изобретательного проекта исцеления мира и человека. В ней центр тяжести вынесен за пределы реального —

¹² Там же. С. 148.

¹³ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 162, 165.

из настоящего в будущее, в выдуманные страны и недоступные места. «Утопия изображала город, устроенный совершенно иначе, чем какие-либо города прошлого и современности. Она была проектом, не имеющим прецедентов в истории рационального исправления реальности, и бросала ей вызов»¹⁴.

Утопия как таковая есть результат дальнейшего развертывания ренессансного содержания идеи *humanitas*, но в условиях, когда обожествление мира и героизация человека уступали место новой науке с ее культом разума и добродетели. Утопия как сфера свободно-произвольного конструирования языка постижения мира, как сфера, в которой вещи утрачивают свою материальную устойчивость и редуцируются к протяженности, претерпела трагическую судьбу. Не случайно появление утопии совпало с появлением послеренессансной трагедии. Ренессанс создал интеллектуальные предпосылки утопии, но художественная, перспективистская наука Ренессанса была радикально преобразована в мышление предвосхищающее, ориентированное на постоянное выдвижение гипотез и экспериментирование. Недифференцированный эстетический континуум, лежащий в основании ренессансного гуманизма и утопизма, уступил место аналитической картине мира и аналитическому гуманизму, отвергающему соизмеримость с миром. Эта картина и этот гуманизм уже строятся в дискурсе предвосхищающего мышления, способного забегать вперед и конструировать небывалое. Восприятие вещей через перспективу конструирует, ошупывает и формирует, по своей силе мерит весь вещный мир¹⁵.

Утопическое будущее не может быть выведено из настоящего. Поэтому утопия выступает не как разумная внутренняя мера самой реальности, а как ее критика и, в конечном итоге, как ее деконструкция. Утопия несовместима с повседневной реальностью. Все вещественно-реальное в ней редуцируется к однообразной протяженности, провозглашается свобода произвольно конструирующего мышления, а человек утверждает себя в качестве основания всего сущего. Планирующий, экспериментирующий ум, к которому обращена утопия, преодолевает свойственную ренессансным гуманистам «онтологическую болезнь личности» как результат условий социальной бесформенности и ожесточенных политических столк-

¹⁴ Баткин Л. М. Ренессанс и утопия. С. 229.

¹⁵ Хайдеггер М. Европейский нигилизм. С. 99.

новений. Внутренняя природа утопии связана с предвосхищающим мышлением новой науки Г. Галилея и Р. Декарта, «Левифана» Г. Гоббса и «Этики» Б. Спинозы. Именно в нем утопизм и аналитический гуманизм связываются с поиском социума, в котором каждый мог бы быть предоставленным самому себе. Направленные в будущее, утопия и гуманизм призваны исправлять «поврежденное» и давать рецепты страждущему человечеству. Они неизбежно превращаются в форму социального «шаманства».

Возникает вопрос, может ли такой гуманизм сосредоточиться на том, чтобы человек стал человеческим, а не бесчеловечным, «негуманным», т. е. отпавшим от своей сущности? Гуманизм в современных его формах ставит человечность (*humanitas*) человека все еще недостаточно высоко. Бездомность стала судьбой современного мира. Бытие — это ближайшее. Однако ближайшее остается для человека самым далеким. Остается это далеким и для гуманизма. Гуманизм по-прежнему остается утопичным, т. е. таким, для которого все сущее предстает как материал труда. В связи с этим М. Хайдеггер в своем письме о гуманизме отмечал: «Это слово потеряло смысл из-за осознания того, что существо гуманизма метафизично и что, как мы это понимаем сегодня, метафизика не только не ставит вопрос об истине бытия, но и стоит ему помехой, поскольку упорствует в забвении бытия»¹⁶.

¹⁶ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 209.